

Михаил Николаевич Волконский

Ищите и найдете

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

Михаил Николаевич Волконский
М69 Ищите и найдете / Михаил Николаевич Волконский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 204 с.

ISBN 978-5-4241-1400-7

В центре романа "Ищите и найдете" - "неофициальная история" последних лет XVIII столетия. Действие романа разворачивается с удивительной быстротой и энергией и охватывает Россию, Францию и Германию. В центре внимания - сложная политическая игра, которую вели в те годы иезуиты.

ISBN 978-5-4241-1400-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

М.Н. Волконский
Ищите и найдете

I

Художнику Варгину была поручена часть росписи стен в строящемся новом дворце императора Павла Петровича.

Собственно говоря, это сам он, Варгин, называл так свою работу, как будто порученная ему роспись была его оригиналом, а на самом деле ему приходилось довольствоваться более скромным трудом, то есть расписывать стены и плафоны по чужим картонам, так что имени его, как придворного художника, история не сохранила.

Делом этим, однако, Варгин занимался с большим рвением, как будто истинное вдохновение осеняло его.

С самого утра, чтобы не терять времени, когда на короткий промежуток показывается в Петербурге солнце зимой, он забирался на прилаженные к потолку подмости, ложился на них на спину и в таком не совсем, правда, удобном положении отдавался работе.

Стены расписывать было легче.

Раз он лежал так на помосте и старательно выписывал ногу богине, мчавшейся по облакам на колеснице из цветов. Внизу в комнату вошли. Он слышал это, но видеть не мог. Вошедшим тоже не было возможности увидеть его, лежавшего на помосте, под которым они остановились. Он слышал их разговор и узнал волей-неволей то, о чем говорили они: это была одна из тайн будущего дворца, и дело касалось секретного хода, дверь в который была тут, в этой комнате...

Варгин хотел было сначала дать знать о себе кашлем, но все равно было уже поздно. Он оробел и притих. Оробел же он потому, что узнал по голосу в одном из говоривших главного архитектора, а другой был, вероятно, очень важным лицом, судя по той почтительности, с которой обращался к нему главный архитектор.

У Варгина сжалось дыхание, и он не проронил ни звука, услышав весь разговор и все объяснение подземного хода. Он узнал, как открывается потайная дверь, куда направляется ход, словом, все подробно.

Разговаривавшие прошли.

Варгин не сомневался, что если б заметили его на помосте и увидели, что теперь ему стала доступна таким образом тайна секретного хода, — ему несдобровать бы.

Очевидно, тайный ход делался не для того, чтоб все его подробности были известны какому-то художнику, и с этим «каким-то» художником не поцеремонились бы.

Разговаривавшие прошли, Варгин вздохнул было свободнее, но сейчас же сообразил, что опасность для него не миновала еще вовсе.

Архитектор, проводив важного посетителя, мог вспомнить, нет ли кого-нибудь на помосте в комнате, где дверь хода, и вернуться, застать Варгина, и тогда он погиб. Так, по крайней мере, рассуждал Варгин.

В жизни его были уже обстоятельства, вовлекшие его в большие опасности и доставившие ему немало тревог и волнений.

С тех пор он дал себе слово жить тихо, скромно, незаметно делать свое маленькое дело и никуда не соваться. Он боялся теперь всяких романтических тайн

и необыкновенных происшествий.

Так он и жил, стараясь оставаться в тени, и вдруг — такой совершенно непредвиденный случай!

Он лежал на помосте, откинув в сторону кисть и палитру. Сердце у него билось. Ему казалось уже, что слышатся шаги архитектора...

Тут его осенила мысль, что можно воспользоваться тем же потайным ходом, о котором только что он узнал, чтобы скрыться и отстранить всякие подозрения.

Почти не рассуждая, повинувшись единственно этой мысли, только и дававшей, по его мнению, спасение, он накинул на себя плащ, схватил шапку, спустился с помоста, легко отыскал дверь, отворил ее и юркнул в узкое, темное, сырое пространство.

Он сделал это как раз вовремя. Едва затворилась за ним дверь, в комнату вошел архитектор и стал кликать его. Не получая ответа, архитектор влез по лестнице и внимательно осмотрел помост.

Убедившись, что на нем никого не было, он успокоился.

II

Выбравшись благополучно по секретному ходу из строившегося замка, Варгин без оглядки кинулся домой, чтоб и след его простыл поскорее.

Жил он поблизости от замка, где ему приходилось работать теперь. Он переехал сюда, чтоб, ради экономии, ходить на работу пешком.

Варгин нанимал комнату от хозяйки, Августы Карловны, которая снимала маленький одноэтажный домик, служивший надворным строением большого барского дома, выходявшего фасадом на улицу близ Литейного двора. Домика за этим большим домом вовсе не было видно, да и ход к нему лежал не через главные ворота, а из переулка.

У Августы Карловны, кроме Варгина, жил еще молодой женевец, доктор Герье, явившийся в Россию искать счастья, состояния и богатства — словом, всех благ земных.

Тогда Россия еще представлялась иностранцам обетованной землею, где каждому, кто отважится приехать в нее из чужих краев, легко достичь всего, что ему хочется...

Однако расчеты молодого женельца не оправдывались. Вместо богатства и роскоши, о которых он мечтал, отправляясь в Россию, ему пришлось довольствоваться в Петербурге более чем скромной комнатой в маленьком домике Августы Карловны с ходом из переулка.

Правда, в этом переулке часто можно было видеть барские кареты, останавливавшиеся у калитки, которая вела к маленькому домику. Еще чаще к этой калитке подъезжали извозчицы дрожки, или сани, или ямские кареты, и из них выходили закутанные дамы, скрывающие лицо вуалями, и мужчины с поднятыми воротниками плащей.

Они скрывались в калитку и через некоторое, иногда довольно продолжительное, время выходили: иные — с радостными лицами, иные — с опечаленными, грустными...

Но все эти господа в каретах и на извозчиках являлись в маленький домик отнюдь не к доктору Герье и, конечно, не к художнику Варгину.

Дело было в том, что Августа Карловна существовала не только сдачей внаймы комнат двум своим жильцам.

Платы, которую она брала с них за помещение, стол и "все готовое", даже за стирку белья, едва хватало на покрытие ее расходов на жильцов, так что никаких барышей ей не очищалось.

И комнаты-то она сдавала художнику Варгину и доктору Герье только потому, что они были тихими, спокойными, верными людьми, ради чего она и старалась всеми силами угодить им.

Хотя домик стоял не в глуши, а в хорошей части города, но все-таки Августа Карловна боялась жить в нем одна и ей было важно знать, что под одной крышей с ней — двое вполне хороших, надежных людей, которые не дадут ее в обиду.

Бояться же за себя она имела некоторое основание. Августу Карловну знали не только в околотке, но и во всем городе, и, может быть, не без основания ходила молва о том, что у нее водятся деньги.

Это было весьма правдоподобно, потому что богатые посетители маленького

домика приезжали именно к ней и, уходя, конечно, оставляли за свой визит плату, иногда очень порядочную.

Августа Карловна была известна в Петербурге как опытная, чрезвычайно искусная гадалка, говорившая за рубль не только будущее, которое сейчас проверить нельзя, но и прошлое; за два рубля рассказывала она любопытным всю их подноготную, вспоминая им подчас даже о таких происшествиях их жизни, о которых они сами забыли давно.

Жены гадали у нее о неверности мужей, мужья о том, какие жизненные блага или горести предстоят им; даже барышни, робея и дрожа всем телом, потихоньку являлись к ней со старыми няньками или под надзором какой-нибудь тетки, дальней родственницы, а то и просто родительской приживалки.

Августу Карловну приглашали и на дом, за что она брала особую плату.

Дела у нее шли отлично, посетителей было много, и собирала она с них обильную дань.

Художник Варгин часто говорил не без некоторого раздражения доктору Герье, с которым состоял в приятельских отношениях:

— Вот рассудите, доктор! Мы с вами мужчины: вы — ученый, а я — все-таки художник, и не имеем такого успеха, как наша хозяйка.

Женевец вздыхал, пожимал плечами и философски отвечал:

— *Suum cuique!* — причем всегда неизменно переводил по-русски: — Каждому свое!..

III

Молодой женевец, доктор Герье, был по облику человек не совсем заурядный. Варгин прозвал его белокурый брюнетом, и, действительно, это название как нельзя более подходило к нему. Волосы у него были темные, не совсем черные, как вороново крыло, а все-таки темные, глаза карие — такие, что у иных людей кажутся почти агатовыми. Взгляд этих глаз был удивительно скромный, мечтательный, ласковый — такой, какой бывает только у блондинов, потому и карие глаза доктора казались светлыми. Волосы у Герье были мягкими — поистине шелковые кудри, они вились, и он носил их закинутыми назад.

В манерах Герье, во всех движениях и в разговоре, словах и поступках виднелся человек добрый, незлобный; говорил он, всегда склонив голову несколько набок, тихим, как шелест листьев, голосом, и в тоне его всегда чувствовалась грусть.

Улыбался он всегда тоже какой-то скорбной улыбкой, и то не в тех случаях, когда было что-нибудь смешное, а когда он видел что-нибудь трогательное или слышал о чем-нибудь трогательном и задумчивом.

По своему, скорее, робкому характеру он совсем не был похож на хотя угомонившегося, правда, но все-таки энергичного Варгина.

Потому, вероятно, они и сошлись.

Доктор Герье приехал в Россию искать счастья после смерти своей матери, которую он потерял в Женеве и о которой не говорил иначе, как поднимая глаза к небу, причем на длинной пушистой бархатной реснице его искрилась слеза.

Других близких родных у него не было.

Герье продал оставшийся ему в наследство домик в Женеве и на вырученную таким образом сумму, приложив к ней сбережения, какие накопились у них с матерью, отправился в Россию.

В Петербурге он жил уже около двух лет, проживал свои деньги и с ужасом думал о том, какая судьба ожидает его в будущем.

Деньги таяли, уходили, их оставалось уже так мало, что Герье не на что было вернуться на родину, здесь же, в Петербурге, он решительно не знал, что будет с ним, когда он истратит свою последнюю копейку.

Он прибыл в Петербург со слишком легкомысленною надеждой, что здесь для иностранцев уготованы несметные сокровища, не ленись лишь брать их.

Никакими рекомендациями, ни знакомствами не заручился он, да и негде ему было сделать это, и явился в русскую столицу перелетной птицей, только с одними мечтами на лучшее будущее.

Во все два года у него не было ни одного настоящего пациента, то есть такого, который заплатил бы ему за совет.

Бывало, что приходили к нему бедняки, с которых он не брал денег, да и не мог бы брать, потому что денег у них не было.

Бедняки относились как-то подозрительно к даровому лечению иностранно-го доктора и, Бог их знает, вероятно, вовсе не принимали его лекарств.

Герье ничего не сделал для того, чтобы дать знать о себе, и было совершенно неизвестно, на что он рассчитывал и как воображал, что получит известность и практику.

Объяснить это он не мог. Единственно, на что он мог надеяться, — это на случай, но этот случай до сих пор не приходил.

Герье выставил у калитки надпись о том, что тут живет доктор-женевец; надпись была сделана на русском и на французском языках, но делу нисколько не помогала.

У единственного приятеля Герье в Петербурге таких знакомств, куда тот мог бы рекомендовать его как врача, не было; Августа же Карловна была очень мила и внимательна к молодому женецу, но от своих посетителей держала его в стороне и не только не говорила им о докторе, помещавшемся у нее, но и с ним, с Герье, так же, как и с Варгиным, избегала всяких разговоров о своей профессии и о бывавших у нее людях.

Жизнь молодого женеца сложилась сама собой: утром он гулял, потом занимался чтением. Приходил Варгин с работы, они ужинали, и потом Герье опять шел гулять с Варгиным, если погода была хорошая, или сидел с ним вечером дома, если погода была дурная.

Казалось, не то он примирился со своею участью, не то как-то уныло, безразлично относился к ней, но никогда ни одной жалобы не слышал от него Варгин; напротив, даже когда сам художник выказывал некоторую нетерпеливую горячность относительно своей судьбы, женевец говорил успокоительно, как будто и не испытывал в душе того ужаса перед неизвестностью в дальнейшем, которая на самом деле сжимала ему сердце.

Чтение его, главным образом, составляли привезенные им с собою медицинские книги, за которые он брался для того, чтобы не забыть, что знал, но удовлетвориться ими одними он не мог, другого же занятия, кроме чтения, у него не было, и он покупал себе книги, тратя на них большинство своих и без того таявших денег.

Когда Варгин вернулся домой после случившегося с ним в замке происшествия, он застал Герье сильно взволнованным, бледным, почти дрожавшим.

Женевец сидел у себя в комнате, вытянув вперед ноги и облокотившись на руку, все пять пальцев которой запустил в свои волосы.

Взгляд его глаз, ставших как будто большими, был неподвижен.

Возле него на столе стоял графин с водой, стакан и пузырек с какими-то каплями.

Варгин, увидев его в таком положении, остановился в дверях и невольно воскликнул:

— Что такое случилось?

Герье вздрогнул, словно не заметил появления Варгина, и испугался, услышав его голос.

Вздрогнув, он обернулся, узнал Варгина и как-то неопределенно протянул:

— Первый пациент!..

По-русски он говорил довольно хорошо; знание русского языка было единственным приобретением, которое он сделал в два года жизни в России.

IV

— Ну, что же? Ура, — проговорил Варгин.

Он именно только проговорил это восклицание, и даже довольно кисло, потому что сам себя чувствовал не совсем в своей тарелке после только что случившегося с ним в замке.

Герье, видимо ожидавший от него, почти всегда веселого и жизнерадостного, поддержки себе, болезненно-участливо глянул на него и спросил:

— А что, разве и у вас тоже случилась какая-нибудь неприятность?..

Должно быть, вид у Варгина был тоже довольно сумрачный—иначе нечем было объяснить вопрос доктора.

Варгин шагнул в комнату, подошел к доктору, взял стул и сел против него.

— Однако, доктор, — заговорил он, — погодите! Тут выходит что-то вроде загадки! Вы говорите, у вас явился пациент, тот первый пациент, которого вы два года ждали с таким нетерпением, и вдруг вы меня спрашиваете, случилось ли тоже со мной неприятность? Вот это «тоже» мне кажется странным! Как же это, первый пациент и неприятность?

— К сожалению, да! — ответил доктор.

— Каким же образом это вышло? Неужели лечение было неудачно?

Герье отвернулся и молчал.

— Умер он, что ли, ваш первый пациент? — опять спросил Варгин.

— Теперь, вероятно, уж умер! — как-то беззвучно произнес доктор.

Варгин забеспокоился. Ему невольно пришло в голову, что молодой и, вероятно, неопытный в медицине женевец, к тому же не практиковавший в течение двух лет, сделал какую-нибудь ошибку, последствием которой могла быть смерть его пациента.

И в самом деле было похоже на то, что Герье испытывает теперь раскаяние человека, совершившего профессиональный промах, непоправимый и ужасный.

— Неужели ошибка? — заговорил Варгин.

Доктор глянул на него, как бы не понимая.

— Ошибка... — пояснил Варгин. — Ошибка с вашей стороны как врача!

— Нет! — улыбнулся Герье. — Ошибки с моей стороны не было, да и не могло быть; могу вас уверить, что я слишком хорошо знаю свое дело!

Он произнес это с уверенностью, и эта уверенность не была в нем следствием излишней самонадеянности; он имел право сказать, что знает хорошо свое дело, потому что кончил курс с наградой, лучше всех своих товарищей, и в Женеве у него было много случаев, чтоб проверить свои знания; там он практиковал очень успешно.

Этот успех, сразу давшийся ему, и соблазнил его главным образом на поездку в Россию.

Кроме того, что он знал свое дело, он уважал и любил его настолько, что не хотел прибегать к шарлатанным способам искусственно составленной известности и предпочитал лучше бедствовать...

— В чем же дело? — спросил Варгин. — Вы расскажите по порядку!

— Да вот, — начал Герье, — только что вы ушли утром на работу и я стал собираться на свою ежедневную прогулку, как вдруг сама Августа Карловна

постучала ко мне в дверь и говорит, что меня спрашивают. Я очень удивился. Она сказала, что требуется доктор и что пришел ливрейный лакей, по-видимому, из очень богатого дома. Можете себе представить, как я обрадовался?

— Ну, еще бы! — согласился Варгин.

— Я накинул шубу, схватил шапку и совсем одетый и готовый вышел к лакею. Разумеется, я спросил, от кого он прислан, но он ни в какие объяснения не пустился, а потребовал лишь, чтобы я скорее следовал за ним. Я подумал, что необходима скорая помощь и что разговаривать некогда, и поспешил исполнить, что от меня было нужно.

У калитки на улице стояла карета. Лакей отворил дверцу, посадил меня, сам сел со мною и опустил на всех окнах кареты шторы. Он сказал, что это необходимо и что если я не хочу подчиниться такой таинственной обстановке, то он сейчас же даст мне полную свободу и отпустит на все четыре стороны, а сам поедет за другим доктором.

В моем положении капризничать не приходилось. Да и против таинственности я ничего не имею.

"Будь что будет!" — подумал я и поехал.

Путешествие было не особенно долго. Карета сделала несколько поворотов и остановилась. Когда меня выпустили, я увидел, что она остановилась во дворе какого-то большого дома, у заднего крыльца. Меня повели по черной лестнице во второй этаж, лакей, который привел меня, показывал мне дорогу. С лестницы мы попали в официантскую, совершенно пустую, а оттуда, через коридор, в столовую.

Я никогда не видал такой столовой: все стены и потолок обшиты резным темным дубом и на огромном буфете столько серебряной и золотой посуды, что комната казалась, несмотря на темный дуб, светлой и блестящей. Из столовой вела дверь в кабинет, огромный, в пять окон, точно зал, сплошь покрытый коврами; тут огромные шкафы были полны книгами в сафьянных переплетах и повсюду кругом были дорогие вещи. Признаюсь, я оробел...

— Ну, что же? — перебил Варгин. — Пока все отлично: богатый дом, а для молодого врача без практики попасть в богатый дом весьма лестно!

— Так думал и я, — ответил Герье, — но теперь, после того, что было потом, я предпочел бы, чтобы меня не звали в этот дом!